

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

Н. ГУГЛИНА

Ш
ЛЕЙТЕНАНТ

М

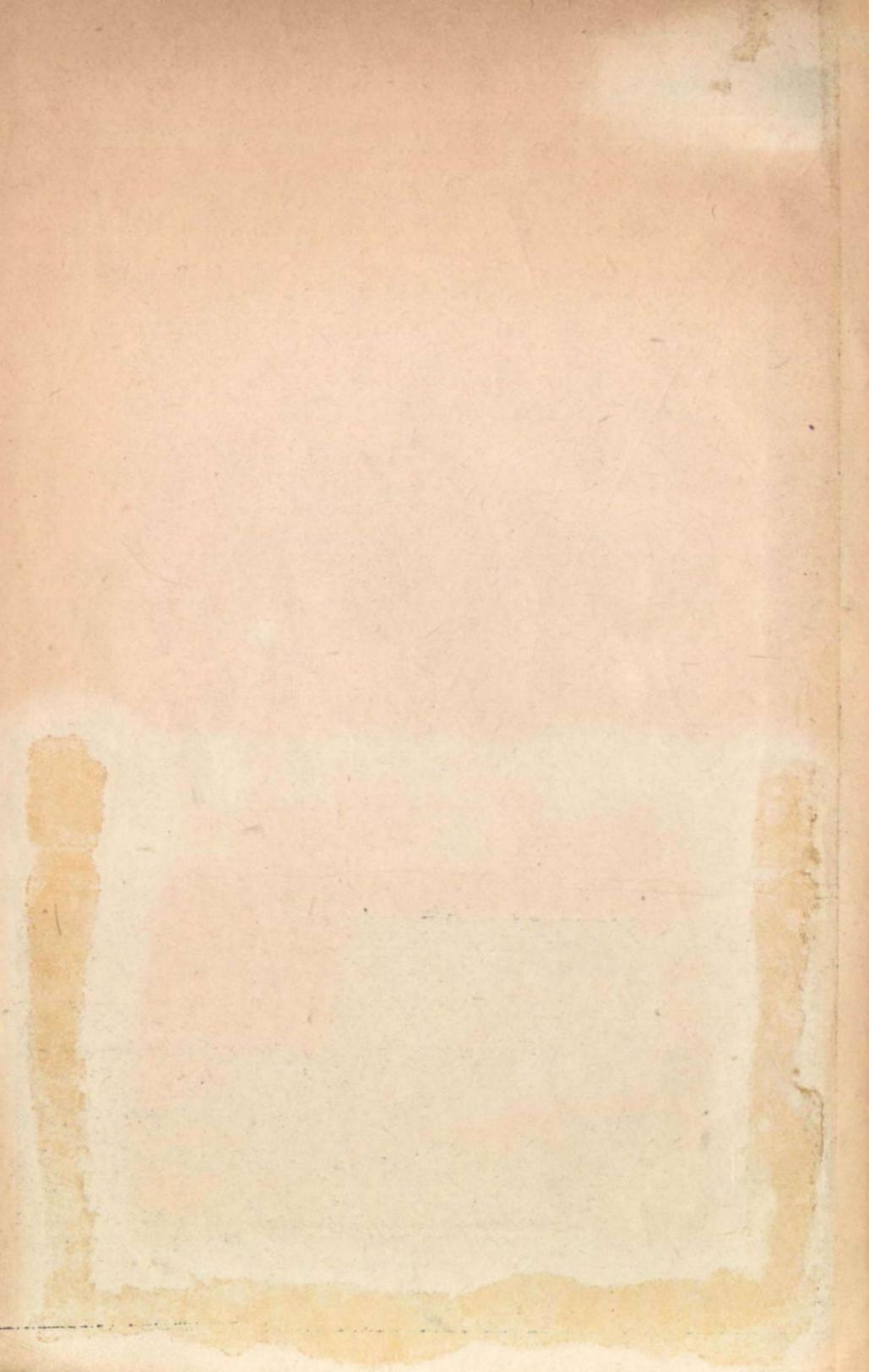
И

Д

Т

НОВАЯ МОСКВА

Д.ч. 3048

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА
под общей редакцией МК РЛКСМ

„БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ“
под редакцией ЧЕРНОМОРДИКА (ЛАРИОНОВА)

Г-93

Н. ГУГЛИНА

ЛЕЙТЕНАНТ
ШМИДТ

86271
ПРО... ГОДА

„НОВАЯ МОСКВА“

1926

947(920)

Г-93

111111

23637
~~23637~~ 1947-10-10

сп и ст

Отпечатано в 4-й типографии „Мосполиграф“
Армянский пер. д' № 6.
в количестве 5 000 экз.
Мосгублит № 5052.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОСА ЗОТОВА ИЛИ
ДЕТГИЗА.

Лейтенант Шмидт

Движение не создается отдельными личностями. Личности создаются движением. Волна катится могучая, и если сорвется ветром несколько алмазных капель с гребня ее, от этого ее бег не приостанавливается и не замедляется.

Шмидт.

Д е т с т в о

В большой комнате у окна стоит мальчик. Личико его серьезно, большие голубые глаза светятся недетским восторгом. Он давно уже стоит здесь один и не отрываясь смотрит в окно. А там, за окном, далеко-далеко, до самого горизонта раскинулось широкое необъятное море. Ярко светит южное солнце, а море синее-синее, и на нем клубит и вздымается белая пена, словно маленькие белые барашки бегут, догоняя друг друга...

А рядом, за стеной шум, веселые детские голоса, смех.

— Петя, куда же ты пропал?—вбегает в комнату девочка, чуть побольше его.—У нас уже пароход готов! Иди скорей! Ты будешь капитаном!

Петя поворачивается к сестренке, молча, с прустной улыбкой качает головой и не отходит от окна.

Нет, он не пойдет играть. Он не хочет быть капитаном игрушечного парохода. Он мечтает на настоящем, большом корабле выйти туда, в открытое море и там сразиться с волнами. И это будет, он знает! Только когда?!

В комнату тихо входит мать. Подходит к мальчику, тревожно заглядывает ему в глаза и нежно обнимает.

Петя судорожно прижимается к матери и прячет взволнованное лицо у нее на груди.

Товарищем его по классу был сын известного писателя Шелгунова, под руководством которого мальчишки прочли много хороших книг, часто и запрещенных царской цензурой.

Проводя праздники в доме тетки, Петя познакомился там с молодым профессором политической экономии Карышевым, который обратил внимание на серьезного, не по летам развитого мальчика и охотно подолгу беседовал с ним. Под его влиянием Петя стал серьезно изучать политическую экономию и уже в 16 лет считал себя убежденным социалистом.

«Тот, кто внимательно изучал общественные науки, не может не быть социалистом»,—говорил он.

В свой последний приезд на каникулы в Бердянск, где тогда жили его родные, он окружил себя книгами и по целым дням занимался.

Вокруг него часто собиралась молодежь его возраста, с которой он читал, беседовал, стараясь и других натолкнуть на те вопросы, которыми интересовался сам. «Ни одна из этих бесед не проходила бесследно,—вспоминает одна из участниц этого кружка,—каждая оставляла неизгладимое впечатление и заставляла над многим подумать».

При этом в его отношениях к людям было столько теплоты и трогательного участия, что уже тогда он пользовался любовью и доверием всех, кто с ним сталкивался.

В то же время он стремится лично познакомиться с положением рабочих и с этой целью сам поступает в качестве рабочего на заводе сельскохозяйственных машин. Невероятно тяжелые условия труда и жизни рабочих того времени всегда до слез возмущали впечатлительного юношу и все больше убеждали его в необходимости социалистического устройства жизни.

Но социализм молодого Шмидта был далек от научного социализма, марксизма.

В то время учение Маркса в России было почти неизвестно. Всем революционным движением руководила партия Народной Воли.

Промышленность в России была развита еще очень слабо. Рабочий класс был малочислен. Революционеры - народники совершенно не верили в его силу и не предполагали его будущего значения. Они все свое внимание обратили на крестьян. Крестьяне жили тогда общинами, т.е. земля принадлежала общине, а не отдельному крестьянину, и народники думали, что крестьянин по са-

мой природе своей, по всему укладу своей жизни уже является социалистом, и надо только объяснить ему это, чтобы произошла революция.

Но правительство Александра II жестоко преследовало «хождение в народ», как называли революционеры свою пропаганду среди крестьян, и тогда они решили, что необходимо устранить главное препятствие в *своей работе*—*царское самодержавие*. Начались политические убийства—террор. Главной целью их было убийство царя, и вот 1-го марта 1881 года Александр II был убит. Но, убив царя, народники не уничтожили царизма. Место убитого занял другой царь, а испуганное и обозленное правительство еще более усилило свои репрессии, преследования революционеров. Партия была разгромлена. Лучшие представители ее частью погибли на виселице, частью томились в страшных казематах Шлиссельбурга и в далекой Сибири. Немногие уцелевшие или бежали за границу, или совсем отошли от работы и старались приспособиться к окружающей жизни. Общество охватило уныние, безнадежность, сознание своего бессилия.

И в этой гнетущей общественной атмосфере рос и духовно развивался Шмидт. Но впечатлительный и чуткий от природы он не мог остаться равнодушным к ужасам тогдашней жизни. Он глубоко страдает, мучительно ищет ответа на встававшие перед ним «проклятые вопросы», старается найти его в книгах. К этому же времени относится увлечение его писателем-народником Михайловским, которого он всю жизнь считал своим учителем. Он много читает все эти годы, усердно занимаясь своим образованием. «Образование есть первый и единственный путь к правильному построению жизни»,—говорил он.

В своих записках, вспоминая это время, он пишет: «То было в тяжелые 80-е годы репрессий и пыток, которые уносили жертву за жертвой. Много лучших русских людей было замучено тогда. Мученическая смерть их увеличивала число борцов за освобождение родины и озлобляла души оставшихся, вызывая террор. Во мне лично каждая мученическая смерть вызывала горе и стремление скорее набраться знаний, учиться, чтобы скорее стать в их ряды. Я чувствовал себя способным к этому и продолжал читать с лихорадочной поспешностью, переходя от одной области к другой. Так на войне спешит вооружиться солдат, слыша выстрелы и сознавая, что бой начался и товарищи падают под сильными ударами противника».

Шмидт — офицер

Но он так и не стал в «их ряды».

В 1886 г. он окончил Морское училище и был произведен в офицеры. Но на военной службе он пробыл недолго. Слишком тяготила его обстановка офицерской жизни, пропитанная пошлостью и карьеризмом. К тому же он скоро женился и по законам того времени должен был временно оставить военную службу. Он вышел в отставку и поступил на службу в торговый флот.

Теперь он почти все время плавал на больших океанских пароходах, на суше бывал мало и не мог принимать участия в общественной жизни.

Но он делал все, что мог, для команды тех судов, на которых плавал, и нередко сам подвергался за это нападкам со стороны начальства.

Всегда ровный, спокойный и ласковый, он сразу завоевывал себе общую любовь: и матросы и ближайшие его помощники были преданы Шмидту, как человеку и безгранично верили ему, как начальнику. Он был просвещенным моряком, хорошо знал и горячо любил свое дело и всегда охотно учил ему других. Один из его помощников, сделавший только один рейс под его командой, вспоминая его потом, говорил: «он открыл мне глаза на море».

А в минуту опасности Шмидт никогда не терялся, бывал мужественным и решительным и своим спокойствием и уверенностью заражал и других.

Однажды большой пароход «Диана», капитаном которого он был, шел поздней осенью из Риги в Одессу. Погода была очень плохая, на море поднялась буря, и Петр Петрович не спал двое суток подряд, ни на минуту не оставляя своих обязанностей. На третий день море немного утихло, и он лег отдохнуть, попросив в случае малейшей опасности сейчас же разбудить его. Но скоро погода снова изменилась, подул северный ветер, поднялся туман, но помощник не решился будить уставшего капитана, понадеялся на свои силы, и «Диана» налетела на груды камней. Раздался страшный удар. Пароход затрещал. Все матросы выскочили на палубу. Но ночь была темная, ничего нельзя было разобрать, свистел ветер, ревели бурное море, слышался треск всего корпуса парохода... Началась паника. Команда шумела, волновалась. Помощник капи-

тана растерялся. Гибель парохода была неизбежна. Но вот раздался тихий, но твердый голос Петра Петровича. Он призывал к спокойствию. И так велико было его влияние, что не прошло и минуты, как все успокоилось. Все почувствовали, что на пароходе есть опытный капитан, которому смело можно доверить свою жизнь. Каждый вернулся к своему делу, сразу закипела работа и пароход был спасен. А потом, в своих донесениях начальству о случившемся Петр Петрович всеми силами старался снять вину с помощника и принять ее на себя. «Я—капитан,—говорил он,—значит, я один виноват».

Японская война

В 1904 году началась война с Японией. Шмидт был призван на военную службу и назначен старшим офицером транспорта «Иртыш», который с эскадрой адмирала Рождественского должен был идти на Дальний Восток.

Войне Шмидт не сочувствовал. Он понимал, что война эта затеяна кучкой царедворцев ради захвата чужой, но богатой земли, а русскому народу ничего, кроме огромных жертв, принести она не может.

За время же подготовки флотилии, которая продолжалась несколько месяцев, он ясно увидел все непорядки, все воровство, которое царило в военном флоте. Он видел всю бездарность и нераспорядительность высшего начальства, всю неподготовленность нашу к войне и отлично сознавал, что при таких условиях русский флот неминуемо должен был погибнуть.

«Иртыш» долго стоял в Либаве, ожидая распоряжения прюзить уголь, который он должен был доставить на Дальний Восток. Время шло. Не раз запрашивали Главный Морской Штаб, но ответа не было. Вдруг пришел приказ в три дня принять уголь и выйти в Порт-Саид. Угля было много. Работа тяжелая. Начали грузить. Стояла холодная осень. Все время шли дожди. Матросы работали день и ночь, выбивались из сил, но не успели к сроку закончить погрузку.

Тогда командир приказал наполнить цистерны соленой водой, чтобы пароход хоть имел вид груженого углем и он мог бы доложить начальству, что приказ исполнен.

Петр Петрович возмутился. Через моря и океаны везти соленую воду к эскадре, для которой дорог каждый пуд угля?! «Приказывайте кому-нибудь другому, а я в таком преступлении участвовать не хочу!»,—смело заявил он.

Но приказывать еще другому было некому. Поневоле пришлось остаться и погрузить необходимый уголь.

С тяжелым чувством отправился Шмидт в далекое плавание. Но ему не пришлось быть свидетелем гибели русского флота. По дороге он тяжело заболел и принужден был вернуться в Россию.

Здесь его назначили в Черноморскую эскадру командиром миноносца № 253.

Шмидт в Севастополе

Петр Петрович вместе со своим 16-летним сыном Женей поселился в Севастополе. Теперь ему мало приходилось плавать. Его миноносец подолгу стоял на месте. Он решил посвятить себя воспитанию любимого сына. «Сын-друг»,—говорил про него Петр Петрович. И действительно, между отцом и сыном были удивительно теплые товарищеские отношения. Однажды на вопрос о том, как он воспитывает своего сына, Петр Петрович ответил: «Никак, я просто его крепко люблю, он меня тоже. Я ему верю, он мне тоже. Между нами нет тайн. Если он меня слушает, то только потому, что признает мой авторитет».

И этот авторитет признавался не только Женей, но и всеми его товарищами. По совету Петра Петровича мальчики устроили кружок самообразования и два раза в неделю собирались в квартире Шмидта. Он чутко и осторожно руководил их занятиями, никогда не давая им почувствовать своего превосходства. Обычно по вечерам Петр Петрович занимался у себя в кабинете, а мальчики читали в столовой. И когда у них возникали какие-нибудь вопросы, что-либо бывало неясно в прочитанном, они шумной гурьбой врываются в кабинет, требуя раз'яснений. Петр Петрович очень любил эти дни и всегда с радостью помогал молодежи разрешать волнующие их вопросы. Вообще он всегда живо откликался на всякие нужды и волнения учащихся. Однажды, только благодаря его энергичному вмешательству, не были исключены из Севастопольского реального училища ученики-евреи. В другой раз по его настоянию был удален директор мужской гимназии, прославившийся своим жестоким отношением к учащимся.

В это время учащаяся молодежь, зараженная общим недовольством в стране, тоже стала волноваться. То там, то здесь начали вспыхивать беспорядки в учебных заведениях. И начальство призвало на помощь родителей. Стали создаваться родительские комитеты при учебных заведениях. В них наиболее передовые родители много сделали для укрощения зарвавшихся педагогов и для борьбы с существовавшей тогда казенщиной в школе.

В Севастопольском реальном училище, где учился сын Шмидта, тоже начались волнения, и Петру Петровичу пришлось много сил отдать делу учащихся. «Их дела,—говорил он,—берут у меня так много времени, что иногда я сам заражаюсь их молодостью и забываю огромную разницу наших лет».

Популярность его среди молодежи и ее доверие к нему были так велики, что однажды ученики 7-го класса того училища, в котором учился его сын в 5-м классе, потребовали его присутствия на родительском совещании своего класса, и Петр Петрович говорил об этом, как о величайшей для себя чести.

1905 год. 9-е января

Но вот наступает 1905 год. Недовольство рабочих и крестьян нарастало уже давно. На целом ряде фабрик и заводов и раньше бывали забастовки. Рабочие требовали облегчения своей тяжелой жизни, не раз подымались и крестьяне против дикого произвола помещиков, но царское правительство отвечало на все это нагайками да расстрелами.

За время же Японской войны так ярко обнаружилась неспособность самодержавного правительства управлять народом и вскрылось столько хищнического его отношения к достоянию и жизни народной, что заволновалась и интеллигенция. Со всех сторон к царю посыпались просьбы, петиции, резолюции. Все требовали конституции, ограничения самодержавной власти.

А среди рабочих началось уже настоящее революционное движение, особенно после 9-го января.

В этот день рабочие Петербурга, доведенные до отчаяния войной и связанными с нею безработицей и дороговизной, решили обратиться за помощью к самому царю.

Тогда рабочие еще думали, что все зло происходит от неумелых и нечестных правителей, а сам царь даже не знает о тяжелом

положении рабочих. Они были уверены, что стоит только рассказать ему об этом, как он все изменит.

И вот 9-го января 1905 года рабочие всего Петербурга, старые и молодые, с женами и детьми, во главе со священником Гапоном направились ко дворцу. Толпа была настроена мирно и торжественно. Впереди несли иконы и портреты царя. Уверенные Гапоном рабочие не сомневались, что царь выйдет к ним и выслушает их. «Он добрый, он все поймет»,—сдержанно говорили в толпе.

Но царь не захотел говорить с рабочими. По его приказанию весь город был оцеплен войсками. Процессию ко дворцу не пустили. Ее встретили ружейными залпами.

Много народу было убито и ранено в этот день.

Убита была навсегда в рабочих и вера в царя. «У нас нет больше царя!»—решили они. Они поняли, что им не на кого больше надеяться, а нужно самим отстаивать свое дело и нужно бороться не только за улучшение своей жизни, но и за изменение существующих порядков в стране и за свержение самого царя прежде всего.

Этот расстрел безоружной толпы возмутил всю страну. Началось революционное движение. Всюду стали вспыхивать забастовки, часто даже без предъявления каких-либо требований, просто из сочувствия к питерским рабочим, из протеста против ужасного насилия, совершенного над ними.

Не остались в стороне от общего движения ни армия, ни флот. В них тоже шло брожение и нередко прорывалось недовольство. То же происходило и в Черноморском флоте. Так, летом 1905 г. вспыхнуло восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Недовольство матросов было уже настолько сильно, что достаточно было самого незначительного повода, а именно несвежего обеда, чтобы начался настоящий бунт. Матросы схватили винтовки, убили и бросили в море особенно ненавистных офицеров и, завладев броненосцем, двинулись к Одессе на помощь бастовавшим там рабочим. Но забастовка была подавлена властями, а другие военные суда, сначала присоединившиеся было к «Потемкину», изменили ему, и «Потемкин», видя, что он остался один, растерялся и ушел в Румынию. Скоро он, однако, был водворен обратно. Командующий Черноморским флотом адмирал Чухнин жестоко расправился с мятежниками: 4-х расстрелял, 2-х повесил,

несколько десятков отправил на каторжные работы, а самый бронеоносец в наказание за бунт переименовал из «Потемкина Таврического» в «Св. Пантелеймона».

Всероссийская забастовка. Манифест 17-го октября. Наступили великие октябрьские дни. Отдельные забастовки протеста, которые все время после 9-го января продолжались повсюду, превратились, наконец, в организованную всероссийскую забастовку.

Началось с экономической забастовки типографских рабочих в Москве, за ними забастовали булочники, а потом одна за другой и другие профессии.

Стали волноваться и железнодорожные рабочие.

В Петербурге образовался Совет Рабочих Депутатов из представителей фабрик и заводов, который и руководил движением. По примеру питерского скоро стали возникать такие же советы и в других городах.

Начавшись в центре, забастовка быстро стала распространяться по всей стране. Город за городом присоединялся к общей стачке. Одна за другой остановились железные дороги. Движение прекратилось по всей России. Почта не ходила. Телеграф, телефон не работали. Закрылись конторы, банки, магазины. Всюду замерла промышленная и торговая жизнь. Позакрывались учебные заведения. Аудитории превратились в залы митингов. На них свободно выступали представители разных партий, открыто критиковали правительство и требовали свержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания. И правительство уже не имело сил помешать им.

Скоро аудитории не могли уже вместить всех, желавших послушать свободное слово. Митинги перенесли на улицу. А там на каждом шагу военные патрули. Происходят столкновения. Воздвигаются баррикады, пускается в ход оружие. Во многих городах были настоящие бои между народом и войсками. Были жертвы с той и другой стороны.

Теперь уже никто не предъявлял больше экономических требований. Всеобщая октябрьская стачка была политической. Общим требованием всей бастовавшей России было: созыв Учредительного Собрания, амнистия, гражданские свободы (свобода личности, слова, собраний, союзов и др.).

Наконец, правительство окончательно растерялось и 17-го октября 1905 года царь подписал манифест. В нем было обещано

созвать Государственную Думу из представителей народа, без одобрения которой ни один закон не мог бы иметь силы, провозглашены свободы, обещана амнистия политическим.

События в Севастополе

В это время в Севастополе происходило то же, что и везде—митинги и забастовки.

Петр Петрович Шмидт не остался равнодушным к происходящим событиям. Он был единственным офицером, появлявшимся на митингах и собраниях, и нередко сам выступал на них с речами. Он беззаветно жаждал свободы, и все его речи были пропитаны этой горячей жаждой. «Свобода необходима человеку, как воздух»,—сказал он однажды на митинге.

Но, принадлежа и по происхождению и по общественному положению к высшему, либеральному слою буржуазной интеллигенции, он долгое время вместе с нею верил, что революции не будет, что ее можно предотвратить, остановить сверху дарованием умеренной конституции, другими словами, он верил в силу петиций. Он даже пытался организовать офицеров Черноморского флота для подачи петиции царю от имени войск и был уверен, что это будет иметь решающее значение, но из этого ничего не вышло: офицерство слишком дорожило своей карьерой и не решалось на такой рискованный шаг.

К тому же, оторванный в силу своих личных и служебных обстоятельств в течение целого десятилетия от общественной жизни, Шмидт и не подозревал, как возрос и усилился за это время рабочий класс, и что именно ему, рабочему классу, принадлежит теперь решающая роль в революции.

И только когда правительство в ответ на все мольбы общества обнародовало указ 6-го августа об образовании при правительстве совещательного органа, не имеющего никаких прав, так называемой «Булыгинской Думы», в настроении Шмидта произошел резкий поворот. В своих воспоминаниях он говорит: «Моя надежда на полезность петиций, т.-е. на мирный путь, имела место до обнародования Булыгинской конституции. С этого момента вся Россия переменяла мнение». Переменил мнение и сам Шмидт.

А порыв, охвативший в октябре всю Россию, захватил и его. Он принимается за дело. Не было больше в городе ни одного митинга, ни одного собрания, на котором не выступал бы Шмидт. Его горячие воодушевленные речи и сила его личного влияния скоро сделали то, что он стал самым популярным лицом в городе, самым любимым оратором.

Теперь он понял силу пролетариата и значение политической забастовки. Он понял, что революция неизбежна и победить может только сплоченный пролетариат. Во всех своих речах на митингах он призывает теперь к поддержке всероссийской забастовки.

В то же время он не оставляет и учащихся, и когда в учебных заведениях города началась забастовка, он обращается к ученикам старших классов с письмом, в котором говорит: «Народное движение, охватившее всю Россию, не могло не найти отклика в тех из вас, кто вышел из детского возраста и кто рвется юною душою внести свои силы в борьбу за правду против неправды. Это стремление юности стать в честные ряды освободительной армии так же естественно и законно, как естественно и законно отвращение к злу и неправде и влечение к добру и справедливости. Мы, родители, сами обязаны стоять в рядах людей, готовых отдать жизнь свою за освобождение измученной России, и мы не можем, не имеем права скрывать от вас это. Бывают минуты в жизни народов, когда каждый должен отказываться от всех своих личных интересов и привязанностей, забыть свою личную жизнь и твердо идти к одной, общей для всех, великой неотложной цели, идти до конца».

Манифест стал известен в Севастополе 18-го октября. В тот же день вечером огромная толпа народа направилась к севастопольской тюрьме требовать освобождения политических, содержащихся там. Шмидт был в числе руководителей демонстрации. От имени собравшихся он повел переговоры с тюремным начальством, и ему обещали через полчаса выпустить всех политических заключенных. Толпа поверила и мирно стала ждать. Вдруг из ворот тюрьмы без всякого предупреждения раздался залп. Несколько человек было убито и много ранено.

Так был ознаменован в Севастополе первый день свободы, а и не в одном Севастополе; то же происходило и во многих других городах.

Похороны. Клятва Шмидта

На 20-е октября были назначены похороны убитых у тюрьмы.

С утра к больнице, где находились тела убитых, стали стекаться огромные толпы народа, и к 10-ти часам вся местность, прилегающая к больнице, покрылась десятками тысяч людей.

Полиции нигде не было видно. Образцовый порядок поддерживался самими рабочими.

Стройными рядами, с массой траурных и красных знамен, с тремя оркестрами музыки процессия двинулась через весь город к кладбищу.

Когда тела убитых были опущены в землю, к могиле подошел Шмидт. Водворилась гробовая тишина. Тихим, но полным глубокой веры голосом он начал:

«У гроба подобает творить одни молитвы; но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которые я хочу произнести здесь вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было идти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь в минуты общего великого ликования лишен этого высшего блага. Они, неся с собою весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их, и за это были... убиты... Они хотели передать другим высшее благо жизни—свободу, и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступление! Великое, непоправимое горе! Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда, как воспользуетесь свободой, можете ли вы обещать нам, что мы последние жертвы произвола? И мы должны успокоить смятенные души усопших, должны поклясться им в этом».

Оратор остановился, окинув взглядом десятки тысяч окружавшего его народа, как бы с вопросом,—кто со мной?

Гробовая тишина, напряженное внимание царили кругом.

«Клянемся им в том,—зазвенел окрепший его голос,—что мы никогда не уступим никому ни единой пяди завоеванных нами человеческих прав».

«Клянусь!»—проникновенно сказал оратор, подняв обе руки, как бы призывая само небо в свидетели этой могучей клятвы.

«Клянусь!»—пронесся за ним многотысячный голос народа.

«Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение нашей свободы. Клянусь!»

«Клянусь!»—повторила толпа.

«Клянемся им в том, что свою свободную общественную работу мы всю отдадим на благо рабочего неимущего люда. Клянусь!»

«Клянусь!»—повторило многотысячное эхо.

Послышались рыдания.

«Клянемся им в том,—продолжал оратор,—что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни татарина, а что мы все отныне будем равные свободные братья великой свободной России. Клянусь!»

И повторенное народом «клянусь!» раскатилось по всем прилегающим холмам.

«Клянемся им в том, что доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного, равного для всех права. Клянусь!»

И народ, весь в его власти, задремал—«Клянусь!»

«Клянемся им в том, что если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим Великую Всероссийскую забастовку. Клянусь!»

«Клянусь!»—раскатилось громом по всем окрестностям.

Оратор кончил. Его обнимали, целовали; один солдат забыл и дисциплину и офицерский чин оратора и со слезами на глазах бросился ему на шею.

Петр Петрович бледный и слабый после высокого духовного напряжения скрылся в толпе.

Эта речь произвела потрясающее впечатление на всех присутствовавших. Под названием «клятвы Шмидта» она была напечатана во всех газетах, и имя Шмидта стало известно по всей стране.

Шмидт — пожизненный депутат рабочих

В тот же день вечером Петр Петрович был арестован по приказанию главного командира Чухнина и под конвоем, как преступник, отправлен на броненосец «Три Святителя», где и задержан под стражей.

12208

12208

2363X

Но недолго пришлось ему сидеть под арестом. Этот арест еще выше поднял его в глазах севастопольского общества и рабочих.

Со всех сторон посыпались выражения сочувствия лейтенанту Шмидту, и к Чухнину полетели требования об его освобождении. Все рабочие организации, городская интеллигенция и наиболее сознательные части войск требовали освобождения Шмидта.

Наконец, Чухнин уступил, и 4-го ноября Шмидт был освобожден.

А севастопольские рабочие во время его ареста избрали его пожизненным членом Совета Рабочих Депутатов Севастополя. Это известие страшно взволновало и обрадовало Шмидта. «Выше этого звания нет на свете,—говорил он своим друзьям и сыну, когда узнал об этом.—Своими чуткими душами рабочие сумели снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга, носителя их нужд. Они никогда не пожалеют о том, что выбрали меня пожизненным депутатом. О, я сумею умереть за них!»

После освобождения Шмидта во всех революционных газетах появилась его телеграмма:

«Спасибо, товарищи, я снова в ваших славных рядах!»

А 5-го ноября, на другой день после освобождения, Чухнин прислал ему следующее секретное отношение:

«Объявить лейтенанту Шмидту: ежели он будет присутствовать на сходках или вообще заниматься агитаторством, то немедленно же будет арестован и предан суду за неисполнение лично отданного ему приказания».

А в стране между тем снова поднималось волнение. Все обещанные в манифесте свободы остались только на бумаге. Тюрьмы попрежнему были полны политическими заключенными. Шествия и собрания разгонялись полицией. Обещание созвать Государственную Думу не исполнялось. Начались черносотенные погромы, направленные против евреев и интеллигенции.

В Кронштадте вспыхнуло военное восстание. Оно было подавлено, и участникам его грозила смертная казнь. Заволновалась армия.

Восстание в Севастополе

И в Севастополе было неспокойно. Все чаще там стали появляться на митингах матросы и солдаты и нередко они выступали

с горячими и искренними речами. Скоро начальство запретило военным присутствовать на народных собраниях. Тогда они стали устраивать свои военные митинги во дворах казарм. Рабочие массами приходили на митинги солдат. Собирались десятки тысяч. Тогда были запрещены митинги вообще.

11-го ноября матросский митинг уже не состоялся. Недалеко от флотских казарм происходил митинг портовых рабочих, и матросы решили идти туда. Но у ворот была поставлена боевая рота, и адмирал Писаревский отдал приказ «никого не пропускать. В случае неповиновения—стрелять».

«Но ведь это наши братья. Что же, и в них стрелять?»—раздался вдруг из рядов голос матроса Петрова.

— Разумеется,—ответил адмирал,—в них тоже придется стрелять.

Петров отделился от роты, на глазах у всех зарядил свою винтовку и, став на одно колено, сделал два выстрела со словами:

«Раз так, так вот же тебе, дракон!»

Одним выстрелом был ранен Писаревский, другим убит напал еще один офицер.

Произошло это совершенно неожиданно. Поднялась суматоха. Петрова арестовали. Матросы бросились к оружию с криком «восстание, восстание!»

Из города прибежали рабочие и с трудом успокоили их. Петрова тут же освободили. Все дежурные офицеры были арестованы и посажены под арест. Была выбрана комиссия депутатов и выработаны требования для предъявления царскому правительству. Среди чисто служебных и экономических требований были такие, как 8-часовой рабочий день для рабочих и немедленный созыв Учредительного Собрания.

На другой день, чтобы привлечь к восстанию остальные части, была назначена демонстрация.

В строгом порядке матросы выступили из казарм. На площади к ним присоединились портовые рабочие с красными знаменами, много городских ремесленников и частной публики. Впереди шел морской оркестр. Стройными колоннами демонстранты направлялись через весь город к казармам Белостокского полка. При их приближении вооруженная рота этого полка вместе с офицерами взяла «на караул» и пропустила мимо себя процессию. У казарм был устроен грандиозный митинг. Но полного успеха он не имел: солдаты колебались. Присутствие начальства мешало им пе-

рейти к матросам. Все же они обещали не стрелять в восставших. Потом офицерам удалось даже увести своих солдат за город в лагери.

Таким образом, матросы остались одни.

В это время на «Потемкине», который стоял в порту, было поднято красное знамя. С броненосца «Ростислав» ответили сигналом: «вижу ясно». Другие суда промолчали.

В канцелярии флотских казарм все время заседала комиссия депутатов от матросов и солдат вместе с представителями рабочих организаций города. Положение было тревожно: в распоряжении восставших было мало оружия, так как после потемкинского восстания начальство хранило боевые запасы в тайне, а кроме того, сильно чувствовалось отсутствие опытного военного руководителя. И комиссия решила обратиться к лейтенанту Шмидту.

13-го ноября на Севастопольском бульваре был большой митинг. Петр Петрович, несмотря на запрещение Чухнина, появился там впервые после своего освобождения. Он призывал к новой всероссийской забастовке, которую он считал самым верным средством для завоевания свободы.

Он собирался выехать на следующий день в Одессу для организации там забастовки торгового флота, а оттуда хотел проехать по другим рабочим центрам России и, вернувшись в Севастополь, поднять для поддержки забастовки военный флот.

Такова была его мечта бескровно завоевать свободу.

Но поехать ему не пришлось. Ночью к нему явилась депутация матросов с настойчивой просьбой остаться и взять на себя руководство восстанием.

Шмидт был против восстания. Он не хотел проливать крови, кроме того, он не верил в успех восстания, не поддержанного всей страной.

Он долго не соглашался на предложение матросов. Но, удивившись в конце концов, что восстание фактически уже началось, и не желая лишать матросов опытного руководителя, он принял предложение.

В это время крейсер «Очаков», стоявший в порту, очутился в руках восставших. Все офицеры были частью спущены на берег, частью арестованы и оставлены в качестве заложников.

14-го ноября Шмидт поехал на «Очаков», где и оставался до последнего момента.

Он хорошо понимал всю беспомощность крейсера, на котором не было даже достаточно орудий для самообороны. Он знал, что Чухнин разоружил эскадру и готовит артиллерийский обстрел мятежных судов.

И все же, не веря в успех дела, он пошел на «Очаков».

«Имел ли я право не идти с ними?—писал он потом.—Если бы я отвернулся от них, когда они во мне нуждались и когда беда была уже неминуема, я не имел бы права смотреть в глаза народу русскому, как изменник».

Таким образом, мы видим, что Шмидт не был организатором восстания. Он был даже противником его. Восстание началось стихийно. Могучая революционная волна подхватила его и подняла на своем гребне. Но, став вождем, хотя и помимо своего желания, он честно и мужественно исполнил свой долг до конца.

Шмидт на „Очакове“

Восторженное «ура» очаковцев гремело на крейсере, когда Шмидт под'езжал к нему.

Рано утром 15-го ноября на «Очакове» под звуки оркестра было поднято громадное красное знамя и сигнал: «Командую флотом, Шмидт».

Одновременно красные флаги появились на городских казармах и на некоторых миноносцах.

Первым делом Шмидт послал телеграмму в Петербург на имя царя: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом Шмидт».

А по городу в тот же день было расклеено объявление: «В случае какого-либо насилия со стороны казаков по отношению к мирным гражданам, я вынужден буду принять решительные меры. Командующий флотом Шмидт».

К «Очакову» скоро присоединился миноносец «Свирепый» и несколько других миноносцев. На «Потемкине» не было единодушия среди команды. Побеждала то одна партия, то другая, а потому на броненосце красный флаг то появлялся, то исчезал. Другие суда, помельче, во всем подражали «Потемкину», так как боялись его, как крупной боевой единицы.

Тогда Шмидт, чтобы поднять настроение, перешел на миноносец «Свирепый» и об'ехал на нем всю эскадру.

На миноносце играл оркестр, и он медленно подвигался вдоль судов. Шмидт один стоял на капитанском мостике.

Ярко выделялась его одинокая фигура с высоко поднятой головой без фуражки, которую он держал в руке, с развевающимися по ветру волосами. Он протягивал руки к судам, мимо которых тихим ходом шел миноносец, и говорил:

«Товарищи, мы поднялись за правое дело. За нами весь русский народ. Армия тоже присоединилась к нам. Присоединяйтесь же и вы!»

Громко и отчетливо звучал и далеко разносился его вдохновенный призыв. В ответ лишь с «Потемкина» раздалось «ура». На «Ростиславе», где было много офицеров, ответили бранью. Пройдя всю линию судов, Шмидт остановился около учебного судна «Прут», на котором содержались тогда арестованные потемкинцы, освободил их и арестовал бывших там офицеров. Потом подошел к броненосцу «Потемкин», арестовал и его офицеров и поднял там красное знамя. В то же время красные знамена взвились и на многих других судах. В городе тоже всюду развевались красные флаги. Масса народу толпилась на берегу, ожидая салюта, который возвестил бы, что к восстанию присоединилась вся эскадра.

Расстрел „Очакова“

Но не дремали и враги революции. Из разных городов были вызваны в Севастополь воинские части. Город и крепость об'явлены на осадном положении. Все улицы заняты войсками. Из Петербурга пришел приказ подавить восстание.

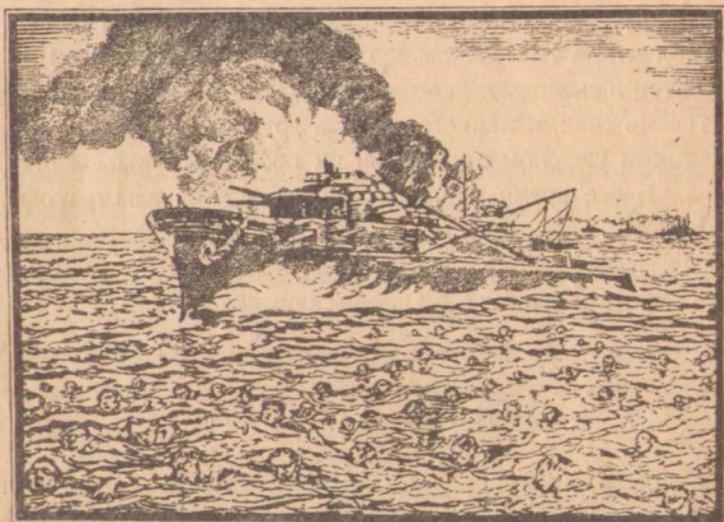
В 3 часа дня началось усмирение.

Первой выстрелила канонерская лодка «Терец», когда мимо нее шел катер с боевыми припасами для «Потемкина». И началась пальба. Дан был залп по зданию флотских казарм. Шмидт поднял сигнал: «Имею много пленных офицеров, считаю их заложниками».

Народ понял в чем дело и в ужасе бежал с пристани. Стрельба продолжалась. Наконец, «Очаков» решил открыть ответный огонь. Казалось, крепостные орудия только этого и ждали. Десятки снарядов полетели в «Очаков». Одним из первых залпов на нем была разрушена электрическая машина. Он принужден был замолчать.

Остальные суда одно за другим подняли белые флаги. Но бой продолжался. Стреляли со всех сторон. Стреляли с судов, из орудий крепостной батареи, стреляли из пулеметов, поставленных на набережной. Особенно старался броненосец «Ростислав», который с самого начала враждебно отнесся к восстанию. Один из снарядов разорвался в машинном отделении «Очакова», на нем начался пожар. Матросы стали бросаться в воду, спасаясь вплавь. От самого «Очакова», который стоял саженьях в 50-ти от берега, все море было покрыто головами матросов.

«Товарищи, помогите!»—кричали они захлебываясь.

На пристани снова стали собираться жители. Они спешили на помощь. Встречали окоченевших и обессилевших матросов, передевали их в сухое платье, которое тут же снимали с себя, и отправляли в город.

Несколько человек нашли лодку и отправились в море спасать тонувших. Уже многих подобрали и спешили к берегу, как вдруг с «Ростислава» пустили в них снаряд. В одно мгновение вся шлюпка разлетелась в куски вместе с героями и спасенными ими матросами.

Стрельба продолжалась, а с моря все время неслись раздирающие душу стоны: помогите!

По плывущим матросам стреляли из пулеметов. Тех, которым удавалось доплыть до берега, где стояли войска, тут же приканчивали штыками. Спаслись немногие, попавшие к сочувствующей толпе.

Шмидт до последнего момента оставался на «Очакове». Его сын Женя был с ним. А когда на горевшем со всех сторон корабле уже нельзя было больше оставаться, они разделись и бросились в море. Их подобрали и доставили на броненосец «Ростислав», где оба и были арестованы. Шмидт был ранен в ногу. Офицеры «Ростислава» оставили его без всякой одежды, с разбитой ногой в кают-кампании во время своего обеда и по очереди подходили к нему, подносили кулаки к его лицу и всячески издевались над ним. Когда раненый Шмидт попросил пить, старший офицер крикнул: «молчать, а то кулаком заткну глотку». Одеться им не дали. Ночью отец и сын голые лежали тесно обнявшись на полу, стараясь хоть телами своими немного согреть друг друга.

В таком ужасном положении их продержали на «Ростиславе» два дня. И все время не прекращались издевательства офицеров над Шмидтом.

А на третий день военный транспорт «Дунай» повез лейтенанта Шмидта и его сына в Очаковскую крепость.

Шмидт в тюрьме

На рассвете остановился «Дунай» у Очакова. Шмидта и его сына под конвоем вывели из тюремного помещения на палубу. Он сильно хромал, подвигался с трудом. Хотел было сам спуститься по трапу, но покачнулся и упал. Матросы бросились к нему, подняли его на руки и бережно снесли в лодку.

Утро было холодное, пасмурное. Петр Петрович молча сжимал в своей руке руку сына и смотрел прямо вперед на грустный серый берег, и лицо его было спокойно и торжественно.

Шмидт был заключен в каземате Очаковской крепости на острове Морской Батареи. Он нарисовал потом этот остров и назвал его «Мой остров».

Безмолвный, мрачный островок. Продолговатые, придавленные к земле серые постройки-казематы. Всюду одни орудия и застывшие около них часовые... Ни одной живой души... Из каземата заключенный мог видеть только море...

И здесь, запертый в полутемном сыром каземате, Шмидт провел несколько месяцев в ожидании суда.

Мальчика скоро освободили и он остался один. Он бодро держался в тюрьме. Первая записка, которую ему удалось передать друзьям, была: «Обо всем, что я сделал—не жалею. Считаю, что поступил так, как должен был поступить каждый честный человек».

Всего по делу о восстании было привлечено несколько сот человек. Но с расправой над Шмидтом спешили. Сам царь не раз выражал желание «поскорее покончить с этим изменником». Поэтому из общего процесса выделили дело Шмидта и нескольких десятков матросов-очаковцев и назначили суд.

К тому же власти боялись, что не удастся довести процесс до конца.

События в то время так быстро менялись, что неизвестно было, чем все кончится.

Революция в стране не утихала, надвигалась вторая всероссийская забастовка. Многие еще верили в победу. И чтобы оттянуть время и тем спасти жизнь брата, сестра Шмидта стала хлопотать о медицинском освидетельствовании Петра Петровича, но он, узнав об этом, возмутился и отказался наотрез.

«Если я ненормален, то ненормальны все сто тридцать миллионов населения России, т.е. вся революционная Россия. Если бы я теперь был выпущен из каземата, то при тех же обстоятельствах поступил бы точно также!»—заявил он.

Защищать Шмидта и его товарищей приехали из Петербурга лучшие адвокаты.

Петр Петрович сначала совсем отказывался от защиты. Он хотел защищаться сам. Но он надеялся, что защите удастся хоть немного облегчить участь матросов.

«Я не жалею ни о чем, что я сделал,—говорил он,—и вся ответственность должна падать на меня. Но меня гнетет и мучает судьба моих товарищей-матросов».

И не желая лишать их такой сильной поддержки, он согласился на защиту.

Но... приговор был предрешен заранее, и защитники ничего не могли сделать.

Женя жил в это время в Керчи, в семье сестры Шмидта. Накануне суда Петр Петрович вызвал его в Очаков проститься.

Свидание происходило на гауптвахте. Отец и сын сидели рядом, повернувшись друг к другу. Лицо отца было радостно и спокойно. Лицо сына скорбно и тревожно.

«Знаешь, отец,—говорил мальчик,—я просто не могу понять, что это делается кругом? Ты, мой добрый, дорогой друг, должен умереть. Смотрю на тебя и не понимаю. Я не могу представить себе тебя мертвым, не могу понять, как это ты, живой, и должен умереть. Вот я буду с тобой прощаться и не знаю, что тебе сказать. Ведь до сих пор при расставании мы говорили друг другу «до свидания», а теперь я не могу этого сказать. Нет, я ничего не понимаю!»

— «А я понимаю,—сказал отец.—Я понимаю, что мы с тобой не на земле теперь, а где-то там наверху. Велико мое счастье, что ты тверд и не падаешь духом... А знаешь, тебе покажется странной та дума, что у меня теперь в голове: я боюсь, чтобы ты не опоздал на пароход. Вот и пойми человеческую душу! Жизнь и смерть. Какое великое и непонятное сопоставление... Ну, тебе пора уходить. Прощай, мой милый мальчик!»

Шмидт судорожно обнял сына и прижал его к груди. Женя вышел, и когда он был уже на улице, Петр Петрович подбежал к окну и стал сквозь решетку смотреть сыну вслед.

— Самое тяжелое прошло,—сказал он присутствовавшим.

Суд. Последнее слово Шмидта.

7-го февраля начался суд.

Вместе со Шмидтом судили трех его ближайших помощников: Частника, Гладкова и Антоненко и 37 рядовых матросов-очаковцев.

Несмотря на то, что все остальные подсудимые содержались в Севастополе, суд происходил в Очакове. Военные власти считали Шмидта таким опасным преступником, что не решались перевезти его в Севастополь. На огромном военном корабле привезли в Очаков всех подсудимых-матросов, свидетелей, суд, защиту, привезли туда, где сидел в каземате только один человек.

На суде Петр Петрович был совершенно спокоен и держал себя с большим достоинством. Он горячо поднимался только тогда, когда ему казалось, что несправедливо обвиняли матросов.

И вся его последняя речь на суде была полна этим горячим желанием спасти своих товарищей.

«Г.г. судьи,—говорил он,—перед вашими глазами прошло дело, во главе которого был я. Не могло это дело стать совершенно ясным, так как оно явилось здесь, как обрывок общего великого русского дела, самая сложность которого не позволяет нам, современникам, обнять его беспристрастным взором. И этот обрывок русского дела, слабо освещенный свидетельскими показаниями, ждет теперь над собой вашего приговора! Я говорил вам, г.г. судьи, что не должно быть в этом деле произнесено ни одного слова неправды, только правду вы слышали от меня. Клянусь же вам, что те случайные свидетельские показания, которые установили ряд улик против того или другого матроса и тем увеличили вину некоторых из них, не могут, не должны быть приняты во внимание. Верьте мне, что все они были предо мною совершенно однородной толпой, что никому из них нельзя вменить в вину близость к Шмидту. Все они были одинаково близки мне и если я обращался к ним со словом, то ко всем сразу.

Верьте же, г.г. судьи, что никого из них нельзя карать равным со мной приговором. Верьте мне, что сама природа требует, чтобы ответил я один за это дело в полной мере, сама природа повелевает выделить меня. Я не прошу снисхождения вашего, я не жду его.

Велика, беспредельна ваша власть, но нет робости во мне, и не смутится дух мой, когда услышу ваш приговор.

Без ропота и протеста я приму смерть, но не вижу, не признаю вины за собой!

Когда дарованные блага начали отнимать от народа, то стихийная волна жизни выделила меня, заурядного человека, из толпы, и из моей груди вырвался крик!

Я счастлив, что этот крик вырвался именно из моей груди!

Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Позади, за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию.

Великая радость и счастье наполнят мою душу и я приму смерть!»

Эта речь произвела огромное впечатление на всех присутствовавших. И судьи, и защитники, и товарищи Шмидта с замиранием сердца слушали его слова. А солдаты-конвойные даже отставили

свои ружья, увлеченные ими (они были потом преданы суду за это). И если бы Шмидт крикнул тогда часовым: «арестуйте» или «убейте судей», они, не колеблясь ни минуты, исполнили бы его приказание.

Солдаты очаковской крепости, в каземате которой сидел Шмидт, не раз предлагали ему бежать и принимали всю ответственность за это на себя, но Петр Петрович каждый раз твердо и решительно отвечал: «я не уйду».

18-го февраля был объявлен приговор: Шмидт, Частник, Гладков и Антоненко приговорены к смертной казни, остальные в кадетскую на разные сроки.

Шмидт выслушал приговор совершенно спокойно.

«Приговор этот я ждал»,—сказал он.

Матросы окружили его, обнимали, благодарили его, прощались с ним. По осанке Петра Петровича и по восторженному выражению его лица нельзя было подумать, что он только что выслушал смертный приговор.

Сыну он послал телеграмму: «Сыночка, милый, будь мужественен. Я спокоен и счастлив. Принял приговор и буду тверд до конца. Крепко люблю тебя, обнимаю. Твой друг-папка».

Когда накануне казни к Петру Петровичу зашел доктор и спросил его, как он себя чувствует, Петр Петрович внимательно посмотрел на него и твердо ответил: «Я совершенно здоров. До места казни дойду превосходно».

Казнь Шмидта.

Казнь должна была состояться на острове Березани, в нескольких верстах от Очакова.

Когда Петр Петрович узнал об этом, он сказал: «Мне хорошо будет умирать на Березани... Надо мною будет высокое небо, вокруг меня—море, моя родная, любимая стихия».

Ночью на остров подвезли войска, поставили столбы, вырыли ямы.

На рассвете привезли осужденных. Спокойно они направились к месту казни.

Шмидт все время ласково ободрял товарищей.

Матросы не спускали с него глаз и повторяли каждое его движение.

По просьбе Петра Петровича их не привязывали к столбам и глаз не завязали.

Трогательно попрощался Шмидт с товарищами и первый пошел к столбу. За ним остальные.

В последнюю минуту Шмидт обратился к солдатам со словами: «Помните Шмидта, умирающего за русский народ, за родину, за вас, мои братья. Таких, как я, много, но будет еще больше».

Потом, повернувшись к офицеру, командовавшему отрядом, сказал: «Миша, прикажи своим стрелкам целиться прямо в сердце».

Раздался залп...

Утром еще теплые тела убитых уложили в гробы и зарыли в приготовленные могилы.

Так погиб лейтенант Шмидт. Но память о нем жива. После долгой напряженной борьбы Россия пришла к тому строю социальной справедливости и свободы, о котором мечтал, за который боролся и умер Шмидт.

И теперь победивший свободный пролетариат, вспоминая «красного лейтенанта», не может не склонить головы перед его могилой и не повторить за ним:

«Клянемся ему в том, что мы никогда никому не уступим ни единой пяди завоеванных нами человеческих прав!»

«Клянемся ему в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение нашей свободы!»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Детство	3
В морском училище	5
Шмидт — офицер	8
Японская война	9
Шмидт в Севастополе	10
1905 год. 9-е января	11
События в Севастополе	14
Похороны. Клятва Шмидта	16
Шмидт — пожизненный депутат рабочих	17
Восстание в Севастополе	18
Шмидт на „Очакове“	21
Расстрел „Очакова“	22
Шмидт в тюрьме	24
Суд. Последнее слово Шмидта	26
Казнь Шмидта	28

Издательство Московского Совета МК и КД

„НОВАЯ МОСКВА“

Москва, Кузнецкий Мост, № 1. Телефон. 2-08-96.

На складе и во всех книжных магазинах Издательства Моссовета „Новая Москва“ имеются в продаже следующие популярные издания:

1. Герасимов, А. „Первый революционный броненосец“ (История восстания на Потемкине). 70 стр. М. 1925 г. Ц. 22 к.
2. „Пионерам о Красном Флоте“. С предисловием начальника морских сил СССР В. Зофа. 70 стр. М. 1925 г. Ц. 30 к.
3. М. Мирошников, и Я. Гиндикин. „Пионерам о Красной армии“. 91 стр. М. 1925 г. Ц. 30 к.
4. Мосбюро юных пионеров. „Красная Армия и пионеры“. 143 стр. М. 1925 г. Ц. 80 к.
5. Бабаев, М. „Пионерам о воздушном флоте“. Редакционным советом спорт-секций ОДВФ РСФСР одобрена для пионеров. 96 стр. М. 1925 г. Ц. 50 к.
6. Шекунов. „Юные авиаторы“. (Как пионеру сделать летающую модель самолета). 40 стр. М. 1925 г. Ц. 30 к.
7. Банчик, Е. П. „Пионеру о химической войне“. (Отравляющие вещества, их действие на человека и защита от них). 72 стр. М. 1925 г. Ц. 40 к.

Заказы направлять:

Почтовому Отделу. 3-й книжный магазин Моссовета
„НОВАЯ МОСКВА“.

Москва, Моховая ул., 24. Телефон. 1-80-61.

Издательство Московского Совета МК и КД

„НОВАЯ МОСКВА“

Москва, Кузнецкий Мост, № 1. Телеф. 2-08-96.

На складе и во всех книжных магазинах Издательства Моссовета „Новая Москва“ имеются в продаже следующие популярные издания:

1. Е. Попова „Первая революция“ (1905 г.)
1925 г. 67 стр. Ц. 20 к.
2. Долинский, „Что должен знать пионер об Октябре“ 1925 г. 32 стр. Ц.
3. Ник. Солнцев, „Алексей Иванович Рыков“.
1925 г. 46 стр. Ц. 10 к.
4. Вл. Кузьмин, „Смена смене“ (пионеры). Редакция А. В. Шестакова (Никодима).
1925 г. 72 стр. Ц. 25 к.
5. „Пионерам об октябрятах“ под ред. Е. Хищенко. (Коллективная работа Кремлевской школы) 1925 г. 71 стр. Ц. 25 к.
6. М. Зарина, „Лагерная пионерская кухня“
1925 г. 96 стр. Ц. 45.
7. Баматер, „Международная детская неделя“.
1925 г. 32 стр. Ц. 8 к.
8. Котенко, Л. и Смирнов, В. „Спутник пионера в школе“ 1925 г. 64 стр. Ц. 10 к.
9. Кузьмин, Вл. „СССР“ Под ред. Таля. 1925 г.
82 стр. Ц. 30 к.
10. Василевский, М. М. „Гигиена пионера“ 2-е изд.
1925 г. 64 стр. Ц. 10 к.
11. Рексин, С. и Менщиков, И. „Что такое радио“. Основы радио в популярном изложении, со статьей, как самому сделать радиоприемник. 1925 г. 88 стр. Ц. 55 к.

Заказы направлять:

Почтовому Отделу. 3-й книжный магазин Моссовета
„НОВАЯ МОСКВА“.

Москва, Моховая ул., 24. Телеф. 1-80-61.

Цена 30 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Торговый Сектор Издательства

„НОВАЯ МОСКВА“.

Кузнецкий Мост, д. 1. Телеф. 2-08-96.